

— А злиться-то толку-то какой? — Вэнь Юань тоже смотрел с завистью и злобой. — Этот трусливый Вэнь Сяошу — полный неудачник! Такой отличный план, и всё испортил, позволив Вэнь Жуню всё перевернуть! Да он просто ни на что не годен!

— Но, Юань-гэ, — Вэнь Лан был человеком прямодушным и болтливым, — Вэнь Жунь ведь, кажется, даже не знает, что этот план придумали именно вы с его младшим дядей?

Он прекрасно понимал, что об этом нельзя говорить вслух, но не удержался и всё равно выдал.

Это тут же разожгло гнев Вэнь Юаня:

— Заткнись! Эту историю ты обязан держать в себе до самой смерти! Если ещё раз обмолвишься — хочешь вообще сдавать экзамены? Вэнь Жунь — цзюйжэнь!

Особенно опасно, что этот цзюйжэнь находится в отличных отношениях с ректором У и другими учителями Академии.

А они с Вэнь Ланем? В Вэньцзячжуане они, может, и считались важными персонами, но здесь, в уездном городе, они — самые обычные люди, да ещё и без связей.

Даже простые ученики без официального звания теперь не желают с ними общаться.

Если бы кто-нибудь узнал, что за всеми этими неприятностями стоит именно он, Вэнь Юань, его бы просто сочли предателем и изгнали!

— Ладно, ладно, не буду больше! — Вэнь Лан тоже умел вовремя спасовать и тут же сменил тему: — Но что нам делать? Мы же не можем попасть внутрь!

Ведь они пришли сюда не просто так.

Скоро экзамены. Даже не говоря уже о поездке в уездный город для сдачи провинциального экзамена (сяньши), им сначала нужно сдать экзамен на звание суйцзя («талантливого ученика»). А для этого необходимо пройти три обязательные стадии проверки, да и перед этим ещё оформить кучу документов.

Особенно важны такие процедуры, как поручительство со стороны держателя казённой стипендии (линьшэна) и коллективная гарантия пятерых кандидатов. Без помощи Академии здесь не обойтись.

Ведь все ученики в уезде — выпускники именно этой Академии. Такова политика государства: уже на этапе получения звания суйцзя строго контролируется происхождение кандидатов.

Им нужно было срочно оформить все бумаги, но в Академии никто не соглашался стать их поручителем.

Что уж говорить о линьшэне — даже думать об этом нечего!

Раньше у них ещё были несколько знакомых, с кем можно было договориться, но как только всплыла история с Вэнь Жунем, все тут же разорвали с ними всякие отношения.

Хотя они всё ещё числились учениками Академии, их явно начали избегать и отстранять.

Никто не хотел вступать с ними в коллективную гарантию, да ещё и прямо в лицо говорили грубости: мол, «боимся, что вы нас продадите».

От таких слов братья краснели до корней волос, но возразить было нечего.

Несколько других юношей из их деревни тоже учились в Академии. Вернувшись домой, они плакались родителям, что учёба теперь бессмысленна.

И правда — ведь учились-то они ради чиновничьей карьеры! А теперь даже документы на экзамен не могут оформить — как же тогда попасть в аудиторию?

— Откуда я знаю, что делать?! — Вспомнив об этом, Вэнь Юань тоже разозлился. — Теперь мы даже ректора У в глаза не увидим!

— И учителей тоже не увидим! — Вэнь Лан в отчаянии хлопнул ладонью по столу. — Что же делать? Ведь после второго числа второго месяца уже нужно подавать документы!

— После второго числа второго месяца приедет новый уездной начальник, — решительно сказал Вэнь Юань. — Если через Академию не получится, надо будет найти способ выйти на самого уездного. Даже если Академия откажет — уездной всё равно заставит оформить документы!

У Вэнь Юаня были большие амбиции. Он считал себя человеком, повидавшим свет: Вэньцзячжуань был для него слишком мал, и он мечтал о большем. Если бы он, как Вэнь Жунь, стал цзюйжэнем, то уж точно не остался бы в уездном городе — обязательно поехал бы в уездный центр провинции, где открываются настоящие возможности.

Здесь всё слишком тесно.

Мысли Вэнь Юаня были чрезвычайно самонадеянны.

Он даже не получил звания сюйцая, а уже презирал родную деревню и считал уездный город слишком ограниченным.

— Но ведь мы даже не знаем, кто будет новым уездным! — возразил Вэнь Лан. — Мы ничего не знаем ни о его характере, ни о привычках — как с ним вообще заговаривать?

По его мнению, Вэнь Юань мечтает о нереальном и строит планы, совершенно оторванные от действительности.

Однако Вэнь Юань не считал свои идеи неправильными:

— Ты забыл, чем занимаются наши отцы и чем занимался мой дед! Все сельские старейшины между собой знакомы. Все друг перед другом вежливы и учтивы. Но стоит кому-то выйти из игры — и один старейшина может всё испортить. Эти старые хрычи не смогут спокойно править, если сельские старосты не захотят сотрудничать. А новый уездной, как бы он ни был силен, всё равно будет зависеть от местных — без их поддержки ему не удержаться!

Как старший внук главы рода, Вэнь Юань с детства наблюдал за многими делами, и его взгляды сильно отличались от таких, как у Вэнь Ланя. Он прекрасно понимал, насколько велика власть сельских старейшин.

Даже уездной начальник вынужден проявлять к ним особое уважение и терпимость.

Иначе одна лишь череда мелких, повседневных дразг способна завалить его делами так, что ноги не будут касаться земли.

Где уж тут наслаждаться поэзией и цветами или заниматься государственными делами?

Тем более не останется времени на создание выдающихся административных достижений, чтобы обратить на себя внимание вышестоящих чиновников.

К тому же, по правилам чиновничьей службы, назначали всегда в чужой уезд — никогда не позволяли управлять родным местом.

Без поддержки местных старейшин и чиновников уездной канцелярии — писцов, судебных приставов и прочих — уездной просто не сможет проводить свои распоряжения!

Именно на это и рассчитывал Вэнь Юань. Как только новый уездной приедет, он наладит с ним отношения — и тогда уж Академия точно не посмеет ослушаться!

Вэнь Жунь вовсе не обращал внимания на тех двоих у ворот, полных зависти и злобы. Их отцы и деды ничего не смогли с ним поделать — что уж говорить о них самих.

Он вошёл в трактир и сразу направился во внутренний двор.

Подойдя к воротам двора, он невольно улыбнулся:

— Да уж, торжественно как!

У входа стояли двое слуг в тёмно-зелёных одеждах и маленьких шапочках — явно прислуга из знатного дома. Они были вежливы, но глаза их зорко следили, чтобы никто посторонний не проник внутрь.

Во дворе у ворот был сооружён праздничный шатёр. Вокруг сновали несколько слуг в чёрных халатах и шапочках. Вэнь Жуня сюда лично провожал старший слуга трактира. Двое стражников, казалось, уже знали его в лицо: лишь слегка поклонились и вежливо произнесли: «Господин Вэнь», — и не стали задерживать.

Вэнь Жунь лишь кивнул в ответ, вошёл внутрь — и тут же к нему подскочил юный слуга:

— Прошу сюда-с!

Он повёл Вэнь Жуня вперёд. Тот знал, что здесь есть двор, но сам сюда никогда не заходил — честно говоря, немного растерялся бы, не будь у него проводника. А так — отлично!

Пройдя через праздничный шатёр, Вэнь Жунь понял, что тот установлен прямо у первого двора. По обе стороны располагались боковые флигели, временно переоборудованные в кухню и чайную. Там кипела работа.

Проводник довёл его до вторых ворот, открыл их,пустил Вэнь Жуня внутрь — сам же не вошёл, а тихо закрыл дверь и ушёл обратно.

Войдя во внутренний двор, Вэнь Жунь увидел его настоящее лицо.

Действительно, здесь росли несколько цветущих сливовых деревьев и ещё с десятков других деревьев, хотя они ещё не цвели.

Под сливами стояли каменные стол и скамьи. На столе лежали доски для вэйци и сянци — несколько человек играли в пары.

Другие стояли в коридоре и любовались птичьими клетками... точнее, не клетками, а золотистыми канарейками и соловьями внутри. Птицы весело щебетали. Клетки были довольно просторными — птицам хватало места прыгать и резвиться. Кто-то даже сорвал веточку сливы и играл ею с птицами.

Это были самые молодые участники собрания.

Более зрелые люди, конечно, не станут так бездельничать с птицами.

В главном зале стояли три стола, полностью укомплектованные «четырьмя сокровищами учёного» — бумагой, кистью, тушью и чернильницей.

Ректор У находился в западном флигеле и наблюдал, как один из гостей пишет картину.

Два учителя сидели на кане в восточном флигеле и разглядывали изящную тарелку с «лодочными пирожками» из озера Тайху.

Эти пирожки — знаменитое рисовое лакомство, изначально подававшееся на прогулочных лодках по озеру Тайху, отчего и получило своё название. С течением времени мастера всё больше усовершенствовали их, создавая миниатюрные фигурки цветов, фруктов, рыбок, насекомых и птиц. В итоге получились крошечные, изящные, невероятно реалистичные пирожки — одновременно украшение и лакомство.

Чтобы сделать такие пирожки, нужны не только ловкие руки, но и невероятная внимательность и терпение.

Подобных кондитеров найти крайне трудно — обычно их держали в домах знати, обучая с детства. Простым людям просто не было возможности столько раз тренироваться — ведь здесь всё зависело от мастерства.

Некоторые участники собрания сочиняли стихи и загадки, другие обсуждали смысл классических текстов — атмосфера была по-настоящему учёной.

Все присутствующие были одеты в широкие рукава и длинные халаты, в скромные зелёные или синие чжичжуй — выглядели истинными джентльменами.

Вэнь Жунь вошёл, поздоровался с несколькими людьми, заглянул к ректору У на западе, а затем направился в восточный кабинет, где двое учителей с удовольствием разглядывали пирожки.

Он подошёл и вежливо поклонился:

— Учители, вы любуетесь «лодочными пирожками»?

— Редко увидишь такое искусное мастерство! — восхитился один.

— А чай тоже прекрасен — «Маочжянь из туманных гор»! — добавил другой.

Учителя наслаждались и чаем, и угощением:

— Ты отлично всё организовал.

Всё-таки место рекомендовал Вэнь Жунь — похвалили и его самого.

— Всё благодаря стараниям хозяев трактира, — скромно ответил Вэнь Жунь, не желая присваивать всю заслугу себе. — Я просто пришёл выпить чашечку горячего чая.

— Пей! — Улыбаясь, учитель Сунь подал ему свеженалитую чашку.

Вэнь Жунь принял её и сел чуть ниже по иерархии от учителей:

— Сегодня собралось не так уж много людей?

В Академии учились гораздо больше, да и среди присутствующих он заметил несколько незнакомых лиц — и выглядели они вовсе не молодыми.

— Двое из них — учителя частных школ, оба имеют звание суйцзя, — пояснил учитель Сунь. — Пришли немного пообщаться. С ними несколько учеников, которые готовятся к экзаменам — хотят завязать полезные знакомства.

— А ещё некоторые пытались проникнуть сюда, — добавил он, — но у ворот строго — никого не пустили.

Вэнь Жунь усмехнулся:

— Может, всё-таки впустить их?

— Нет, — покачал головой учитель Чжао. — На этом собрании мы будем обсуждать подготовку к литературному собранию в уездном городе провинции. Остальных это не касается.

Учитель Чжао был человеком честным и принципиальным, а ещё — набожным буддистом. Ему не нравился беспорядок и суеверия.

Своих — пожалуйста, но посторонние, особенно всякие сомнительные личности, вызывали у него раздражение.

Особенно те богатые господа и их сыновья, которые приходят сюда лишь ради того, чтобы «прилипнуть» к славе: мол, «я участвовал в собрании учёных», «поговорил с таким-то», «получил автограф такого-то».

На деле это почти ничего не даёт.

Просто хвастовство своими связями.

Но для настоящих учёных это даже вредно: ведь если перспективный студент слишком сближается с купцами или богачами, это может плохо сказаться на его репутации.

А учёные люди, чтобы сохранить достоинство и нравственную твёрдость, не должны слишком унижать своё положение.

Вот в чём и заключалась дилемма.

— Да, — Вэнь Жунь склонил голову над чашкой чая. — Не думать об этом — тоже неплохо.

На самом деле, годовое собрание было просто поводом для встречи: пообщаться, посмеяться, продемонстрировать свои таланты. А заодно и наладить связи — ведь перед экзаменами нужны коллективные поручительства и партнёры для совместной подачи документов.

Вэнь Жунь пришёл довольно рано. Постепенно стали подтягиваться и другие: знакомые и незнакомые. Прежний хозяин тела действительно был закоренелым книжным червём и почти не общался с этими людьми.

А теперь Вэнь Жунь был одним из всего лишь четырёх цзюйжэней на собрании, поэтому мог держаться с достоинством: не обязан был улыбаться каждому, кто подходит. Напротив — другие сами стремились завязать с ним разговор.

Например, вот этот юноша перед ним — младший сын уездного помощника Ли.

— Господин Вэнь, цзюйжэнь! — младший сын помощника Ли, сам пока не имевший официального звания и только готовившийся к экзаменам, улыбаясь, подошёл поближе.

— Ли... брат Циншань! — Вэнь Жунь остался сидеть, но вежливо махнул рукой: — Садись.

Парня звали Ли Ка. Говорили, что при родах его мать мучилась особенно сильно — голова ребёнка «застряла» и никак не выходила!

После этого Ли Ка у неё больше детей не было. К счастью, в семье уже подрастали трое

сыновей и две дочери, так что отсутствие новых наследников не было катастрофой — мать Ли и так уже была в возрасте.

Ли Ка был самым младшим.

Поэтому его в семье изрядно баловали. Но парень оказался умным: хоть и вёл себя порой как избалованный мальчишка, к учёбе имел явные способности. Отец очень хотел, чтобы он тоже получил чиновничий ранг.

Имя «Циншань» («Зелёная гора») ему дали в надежде, что он будет таким же крепким и здоровым, как гора.

Сам же Ли Ка, как и Вэнь Жунь в нынешнем теле, был довольно худощавым и слабосложенным.

— Хм, — Ли Ка уселся рядом с Вэнь Жунем. — Ты, когда приходил, видел тех двоих снаружи?

— Видел, — ответил Вэнь Жунь. Прошло уже почти полдня, и только сейчас кто-то заговорил об этих двоих у ворот.

— Эти двое ищут, кто бы их взял в коллективное поручительство и в команду для экзаменов, — тихо сказал Ли Ка. — Но никто не хочет с ними связываться. Все боятся, что их «продадут».

Вэнь Жунь чуть приподнял бровь:

— О-о...

Увидев такую реакцию, Ли Ка понял, что лучше не настаивать, и ловко сменил тему:

— Говорят, новый уездной называется Синь Мин.

— А? — Вэнь Жуню стало интересно. — Ты уже это знаешь?

— Отец просмотрел архивные документы — там указано имя назначенного чиновника, — пояснил Ли Ка. — Он вступит в должность после второго числа второго месяца. По случаю прибытия устроят банкет в его честь. Надеюсь, господин Вэнь почтит нас своим присутствием!

Вэнь Жунь внимательно взглянул на Ли Ка — в его словах что-то показалось странным:

— Брат Циншань, ты это говоришь... без всякой конкретики. От чьего имени? От лица твоего отца, помощника уездного? Или от имени самой уездной канцелярии?

Ведь помощник уездного (сяньчэн) — не сам уездной. Его полномочия ограничены ведением делопроизводства; он не отвечает за военные или полицейские вопросы.

По сути, он даже не считался полноценным чиновником.

И кстати, почему его называют просто «помощник Ли», а не «господин помощник»?

Дело в том, что титул «господин» (да жэнь) полагался только главам учреждений или чиновникам седьмого ранга и выше. Ниже седьмого ранга — только по должности, с прибавлением фамилии.

Да и раньше помощник Ли всегда держался в стороне: выполнял распоряжения прежнего уездного, но не имел права участвовать в совещаниях.

Почему же теперь он так активно интересуется новым уездным?

И почему позволяет себе вести себя так, будто он хозяин положения, да ещё и собирается устраивать банкет в честь приезда нового начальника? Кто ему дал на это право?

Неужели не боится, что новый уездной заподозрит его в самовольстве? Или у него появилась какая-то мощная поддержка?

Ли Ка слегка смутился:

— Это... всего лишь моё личное мнение.

Он думал, что Вэнь Жунь, будучи человеком понимающим, воспользуется моментом, чтобы сблизиться с ним: ведь его отец — помощник уездного! А прежний уездной уехал внезапно, и все текущие дела временно перешли к отцу Ли. Можно сказать, сейчас он держит в руках всю власть!

<http://bllate.org/book/15642/1398086>